

В ТОМ МОЕЙ ВИНЫ НЕТ

«Спаси, Господи, и помилуй ненавидящих и обидящих мя, и творящих ми напасти, и не остави их погибнуть мене ради грешнаго».

(Из утренней молитвы)

«Я Вам пишу... Зачем — не знаю... но... Вы не представляете, какая мука и тоска зеленая писать Вам это письмо. Но... надо. Правда, я начал писать и говорить с Вами давно, особенно по ночам, с того самого дня, как только появилось Ваше интервью в «ЛГ» (6 июня), где Вы назвали мое выступление на родине Шукшина (праздник на горе Пикет) в июле прошлого года омерзительным зрелищем. Большинство читателей на Пикете не было, и мое выступление было омерзительным, а чье славным, им судить трудно, зато печатному слову их (нас) приучили верить с детства. К тому же абзацем выше характеристики данной моему выступлению. Вы рассказали о собрании в бийском театре, где кто-то шибко ораторствовал за чистоту крови и т. п. Я там, как Вы знаете, не был, кроме Пикета ни в одном мероприятии, посвященном 60-летию со дня рождения В. М. Шукшина, не участвовал, кто и что говорил, где о чистоте крови — не ведаю (я и сам на полтора процента татарин: борода не растет, хоть тресни), и шабаш о чистоте крови как с одной, так и с другой стороны мне одинаково противен. Но Вам ведь это не важно. Вы преднамеренно смешиваете людей и их взгляды (допускаю, что в результате а не по замыслу), повязываете всех одной кровью... Я понимаю, там нужен эффект и эффективнее поучителем доказательства превосходства своей идеологической схемы, как говорят у нас на Алтае, «одним салом по всем сусалам». Но, согласитесь, это далеко не чистоплотно, а у нас, кержаков, просто невозможно. К сожалению, Вы не удосужились хотя бы приблизительно привести текстовое свидетельство того, что я говорил и пел (я это сделаю ниже), что, собственно, содержало мерзость. Быть может, это получилось в разговоре с

корреспондентом спонтанно... к слову... как бы невзначай... Но вот что вышло.

Я сразу стал получать письма, где я предавался анафеме как озверелый антисемит, черносотенец, как враг еврейского народа и как мучитель... Высоцкого (!). «Вот где разгадка истории с Гамлетом!» — воскликнули иные. «Отвечать или не отвечать?» — думал я. И решил — не буду. Раз померещилась ведьма, ведь не переубедишь, да и хватит ли жизни отмыкаться от всякой чуши? Но оказалось, словами Вашими, брошенными вскользь и походя, введены в заблуждение и люди серьезные и мне дорогие, такие, как Ю. П. Любимов — мой руководитель или поэт Л. И. Лавлинский — главный редактор «Литературного обозрения». Не сговариваясь, они сказали: «Валерий, на такие выстрелы надо отвечать!» И я отвечал Вам потихоньку. В дневниках накопилось много вариантов. И все-таки я думал: не стоит, пустое... и почему я должен доказывать, что я не верблюд? Но последнее письмо окончательно привело меня к решению ответить Вам, и НЕ ТОЛЬКО ВАМ.

Антеру Валерию Золотухину. Копия: Юрию Любимову и антарам театра.

С большим интересом я смотрел телепередачу «Слово» 11.09.90 г. Но вот что поразило. Как вы откровенны и оголтелый юдофоб поехали в эту «жидовскую» страну, в этот рассадник сионизма. Я могу понять «истинных патриотов», «идейных» антисемитов, их принципиальность в этом вопросе. А где Ваши принципы? На митинге, посвященном памяти Василия Шукшина, вы издевались над еврейским народом, а теперь перед этим народом, как ни в чем не бывало, демонстрировали свой «талант». О наличии совести говорить не приходится. Не тот случай. Поистине, денели, как и другие деньги, не пахнут. Непонятно, однако, почему вам дали визу в Израиль? Либо они не были осведомлены в вашем публичном излиянии, либо из уважения к Юрию Любимову, а скорее всего потому, что вы слишком ничтожная личность, чтобы акцентировать на ней внимание. Вот президента Австрии Курта Вальдхайма, подозреваемого в неблагоприятных действиях во время 2-й мировой войны, в Израиль не приглашают, как не приглашали, в свое время, известного дирижера Герберта фон Караяна, который служил Гитлеру.

Извеков, Моск, обл., ст. Тучново.

За такое уже в суд подавать можно, а ведь тов. Извеков на Пикете не был, что я говорил и пел, не слышал, стало быть, отрекомендовал меня с Вашей подачи. Так же, как не был на Пикете и Любимов, и, не спросив меня, в чем, собственно, Валерий, дело, вывесил, как бы в порицание, Ваше интервью с сопроводительным письмом (вроде того, что изложено выше — адресованным ему, министру культуры Н. Н. Губенко и «всем артистам Театра на Таганке, кроме Золотухина»), на обозрение всего театра и тех, кто там бывает. Но Ю. П. Любимов — израильтянин наполовину, у него два паспорта, он очень гордится этим, и его понять можно. Однажды на репетиции он спросил меня: «Ты друг Распутина?» «Да», — ответил я. «Галина Николаевна, — обратился он к заведующей труппой, — отберите у него все роли». Мастер играл, мастер шутил. А некоторые из моих коллег всерьез выспрашивали: «Неужели это правда?.. Как ты мог?..» и т. д. Но потом, вспомнив, что я помогал А. В. Эфросу в его самые трудные дни работы на Таганке, вспомнив, что я снимался у И. Е. Хейфица, А. М. Роома, М. А. Швейцера и др., несколько поуспокоился, поняв, очевидно, что здесь что-то не так, путаница из-за неверно записанного в козлином пергаменте (по Булгакову).

Некоторые письма содержали угрозы физической расправы надо мной и моими детьми. Авторы других писем клялись, что они уедут из этой дикой страны, чтоб я не беспокоился со своей свинской компанией, что их дети будут жить счастливо и припеваючи и не будут жрать эту неизвестно чем, какими заменителями набитую колбасу, которую в поте лица вынуждены доставать по паспорту... И не на наши вшивые рубли они жить будут и передвигаться по свободному миру, а их дружок твоих голодная смерть грозит, и скоро, скоро вы друг другу горло перегрызете своими гнилыми зубами, потому что лечить ваши зубы скоро некому будет — мы все уедем... Эти угрозы сначала рассмешили ме-

Ответ Андрею СМЕРНОВУ и другим

ня, а потом повергли в уныние необычайное, и я подумал, что надо все-таки одного из моих сыновей выучить на дантиста, чтоб ближнего своего надежными клыками рвать, когда случится предсказание.

Как кинематографист, Вы, Андрей Сергеевич, не могли не видеть, что все, что творилось и говорилось на Пикете, снималось многочисленными профессиональными и любительскими кинокамерами, что на всех нас израсходованы тысячи километров магнитолфонной пленки. И, стало быть, это в любой момент любого суда может быть востребовано и прослушано. Кроме того, зная, что мне придется выступать, я составил в дневнике несколько конспектов своего будущего слова (некоторые как вещественное доказательство прилагаю ксерокопии к этому письму), чтоб не захлебнуться в эмоциях и не ошибиться в формулировках. По 26-летнему опыту работы в Театре на Таганке я знаю, что на таких собраниях на сто зрителей по 10 профессиональных и не известно сколько стукачей-любителей.

И почему в конце концов я не могу гордиться тем, что меня родила русская мать Матрена Федосеевна? Что я русский по рождению и православно по вере? Мы были на гастролях в Израиле. Они наши частушки в спектакле «Живой» воспринимали с восторгом и пониманием, как, впрочем, и все спектакли. Я видел, как они гордятся тем, что они израильтяне, с каким спокойным трудолюбием они заботятся о своей священной земле, о своей исторической родине, с каким военным бесстрашием и остроумием защищают ее! Неужели мы, россияне, разучились делать это? Не верю. Не хочется верить! Так что же тогда мешает нашему вот такому на зависть елининию? Часто нам всем приходится работать с цыганскими артистами, с их ансамблями... Как они гордятся тем, что «МЫ — ЦЫГАНЕ!», и без конца и края поют свои давно известные песни. Ни один концерт грустных артистов не обходится без «Лезгинки»... но как только зазвучит «Камаринская» или «Калинка» — на-

ши дети переключают телевизор и говорят: «Клюква». Боже упаси, я не держусь за квас. Мои парни поют рок и танцуют «Ламбаду», но не знают и тех трех русских песен, которые знает их отец. И кого же я буду винить в том, кроме самого себя?!

В нашем классе на Алтае учились русские, евреи, немцы сосланные, молдаване выселенные, калмык один, украинцы, шорец... И никто из нас не был возвышен или ущемлен: никто не заносился, не выставлялся, мы были все равны. Кроме меня, сына председателя колхоза, и дочери секретаря райкома — мы были начальниковыми детьми и по детскому неразумению, но втайне считали себя более защищенными судьбой и отцами. Но то уже было как бы классовое расслоение, о котором мне стыдно вспоминать, потому что в сорокаморозноградскую новогоднюю ночь мы с братом находили под подушкой мандарины, яблоки, колбасу и конфеты, и нам запрещали носить это в школу. Каким образом в бурном занесенное село за сто километров от железной дороги доставлялись коммунистам свежие фрукты?! До сих пор для меня загадка, техническая непостижимость. А то, что евреи плохие люди, никто мне на Алтае не говорил. Я об этом узнал только в Москве от людей грамотных и цивилизованных, но, честное слово, я им не поверил и не верю до сих пор.

«Не надо меня толкать туда, куда я сам идти не намерен». Имея свою веру, не обязательно с топором или даже с высокомерным небрежением относиться к вере другой. Имея своих пророков, вовсе не обязательно плевать в других. Отдельные евреи, как и отдельные русские, и другие... Во всякой нации свои изверги есть. Но народ как субстанция всегда велик всякий.

Теперь — желток. Что я сказал и спел на Пикете в июле прошлого года: «Как сказал один поэт, большой, выдающийся поэт — в поэзии всегда война, и перемирье наступает только в эпоху общественного идиотизма». (Мысль принадлежит Мандельштаму, и под войной он, я так понимаю, имел в виду конкуренцию талантов, противостояние творческое, отнюдь не национальное.) В эту эпоху мы смело шагнули и идем по ней стройными шероками рядами. Но пока у нас есть живой Шукшин, живущие Астафьев,

Распутин, Белов, пока, мать их уперемать, они не перегородили Катунь (кстати, экологическая защита Горного Алтая, защита Катунь от каскада ГЭС обязательным пунктом входила в повестку дня проводимого праздника) — ни о каком перемирии речи быть не может! А значит... мы... есть на то надежда, не до конца эпоху общественного идиотизма пройдем и освоим. Пикет — это наше Куликово поле. Здесь русский дух... здесь Русью пахнет. Нескольким частушек из спектакля Театра на Таганке «Живой».

Хорошо, что Ю. Гагарин не еврей и не татарин, не тунгус и не узбек, а наш советский человек!

Я историю учил. Все учебники зубрил, А надо бы историю учить по крематорию.

Коммунисты просят крупин, «Мы пойдем на все уступки!» «На уступки вы пойдете, А убитых не вернете».

Скоро, скоро снег растает, Вся земля согрется, Скажи верное словечко: «Можно ли надеяться?!»

Укажите мне пальцем, где в моем слове издевательство над еврейским или другим каким народом? А то, что я русский, позвольте мне этого не забывать, и если у кого-то аллергия на слово «русский», в том моей вины нет.

С уважением

Валерий ЗОЛОТУХИН

ОТ РЕДАКЦИИ. Публикуя письмо Валерия Золотухина, мы хотим надеяться, что неприятная ситуация, о которой шла речь в письме, возникла из недоразумения и что это недоразумение теперь исчерпано. Сегодня такое опасное время, когда любое неосторожное слово (особенно касательно национальных отношений) подобно взрыву. Слава Богу, в мире кино и театра, в отличие от мира литературы, до сих пор почти не было националистических баталий. Не хотелось бы (еще раз повторяем), чтобы обидное недоразумение, возникшее между двумя талантливыми людьми Андреем Смирновым и Валерием Золотухиным, имело какое бы то ни было дискуссионное продолжение. Это не та дискуссия, которая способна разрядить обстановку. Примите это послесловие как наш редакционный призыв.